

Духовно–назидательный журнал
евангельских христиан–баптистов

ВЕСТНИК СПАСЕНИЯ

*«Веруй в Господа...
и спасешься...»* Д. Ап. 16, 31

1

(29)

1970 г.

**«Всякий,
кто призовет
имя Господне,
спасется»»**

Иооля 2, 32

Дорогие читатели «Вестника Спасения»!

С п р а з д н и к о м

Христова Воскресения!

В эти дни все искренно любящие Господа в глубоком благоговении и молитвенном смирении сосредотачивают свой духовный взор на Голгофском кресте, где девятнадцать веков тому назад в страшных мучениях умирал Спаситель мира Иисус Христос.

Против Христа были брошены тогда все темные силы ада. Враг душ человеческих пытался уничтожить Его еще в самом начале земной жизни, но когда это не удалось, дьявол изменил свою тактику: вместо рыкающего льва выступил в роли хитрого змея. Дьявол предложил Христу свое со-трудничество, обещая помощь, власть и славу: «...Все это дам Тебе, если падши поклонисься мне» (Матф. 4, 9).

Но Христос отверг союз с преисподней.

Тогда дьявол вновь прибегает к древнему, излюбленному методу го-нений и убийств. Он подготавливает физическое уничтожение Христа, на-страивая против Него иудейскую общественность. Но этого для дьявола было недостаточно, и он проникает в сердце одного из ближайших учени-ков Христа, толкнув Иуду на самое страшное и гнусное преступление — предательство.

Обратите внимание, друзья, что Христос призывает нас молиться за врагов наших, за обижающих и гонящих нас, но о молитве за предате-лей Он умалчивает. Не является ли предательство тем грехом, который не прощается ни в сем веке, ни в будущем?..

Ужасная смерть Иуды свидетельствует, что он, хотя и признал свою вину в предательстве, но в его сердце уже не смог проникнуть ни один луч Божественной любви...

В довершение своего злого умысла враг Бога и человека учиняет суд и убийство над Сыном Божьим.

Вокруг креста бушевало море злобных человеческих страстей, не-нависти и потрясающей жестокости. Друзей почти не было. Христос умирал одиноко. Даже Отец Небесный оставил Его... Сколько душевного страдания слышится в вопле: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Матф. 27, 46).

И когда умер Христос, к смерти Его не было приковано внимание

римских поэтов, писателей, историков, ораторов. Понтий Пилат не посылал в Рим донесений о совершенной казни — она была одним из обычных будничных явлений в отдаленной провинции Рима. Никто из современников Христа не допускал даже мысли, что смерть Иисуса из Назарета — это поворотный этап из тьмы к свету, от смерти к жизни.

Дорогой читатель! Христос страдал и умер в страшных муках за тебя и только ради твоего спасения! Наш журнал «Вестник спасения», по милости Божьей, распространяет эту весть на обширных просторах России. Мы молимся о тебе, дорогой друг, чтобы ты, читая строки нашего журнала, склонился в благоговении, с сердечным раскаянием перед распятым твоим Спасителем. И если ты это сделаешь сегодня, все небожители будут ликовать и торжествовать о твоём спасении.

Но не только о подвиге Христа на кресте мы возвещаем тебе сегодня, но и о Его славном воскресении и о вечной жизни, которая даруется тебе воскресшим Христом. «Бог воскресил Его из мертвых!» Как бы ни были крепки узы смерти, Бог расторг их. Смерть не могла удержать в своих холодных объятьях любящее сердце Иисуса.

Христос воскрес!

В эти пасхальные дни мы предлагаем тебе, дорогой читатель, присоединиться к радости и торжеству Воскресения!

«...Как дивен день, когда Христос,
Поправши мрачной смерти силы,
ВОСКРЕС и радость всем принес,
Не видел тления могилы!

О Том, Кто смерть за всех принял,
Благовестите все народы!
Что смертью Он смерть поправ,
В грядущие вещайте годы!»

ДОЛИНОЙ смертной ТЕНИ

Г. И. Шипков*

Времена меняются в обстоятельствах, а люди меняются в чувствах. Когда у пастушка Давида не было другой заботы, как только водить стадо Иессея, отца своего, по лугам, зеленеющим злаками и испещренным всякими цветами, при ярком сиянии солнца на безоблачном небе и при блеске «тихих вод» в ручейках и озерцах; когда он имел при себе в своих передвижениях и остановках и карманную косметику, и походный буфет,— так что юная голова его была умащена елеем, полевая трапеза его была снабжена яствами и чаша его была преисполнена,— тогда он вдохновенно изрек 22-й Псалом, назвав Господа своим Пастырем, а себя самого — Его овцою, ни в чём не нуждающуюся. Когда «долина смертной тени» была еще далеко от Давида, то он оптимистически с уверенностью сказал своему невидимому, но всемогущему Пастырю: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох — они успокоивают меня». Но когда Давиду, ставшему уже мужем, предстояло сделаться пастырем уже не овец Иессея, земного отца своего, но народа Иеговы, Небесного Отца его, Который прежде всего повел его «долиной смертной тени», долиной не самой смерти, но только ее тени,— то смелая уверенность его сменилась жалкой безнадежностью, светлый оптимизм его уступил место мрачному пессимизму и радостный, хвалебный гимн его перестроился в печальную, молитвенную песнь. То «смертная тень», приняв человеческий образ, угрожает Давиду, и он молит Вождя своего: «Помилуй меня, Боже, ибо человек хочет поглотить меня...», «Враги мои всякий день ищут поглотить меня», то эта же тень переходит в форму

**) Помещаемые в настоящем номере статьи Г. И. Шипкова — известного евангельско-баптистского богослова, взяты из неопубликованных его писем, написанных в 1935 году одному из служителей церкви ЕХБ.*

львов, и овца Господня жалуется невидимому Пастырю своему: «Душа моя среди львов; я лежу среди дышащих пламенем... у которых зубы — копья и стрелы, и у которых язык — острый меч», то эта же тень смертельной опасности видоизменяется в засасывающее болото, и идущий по нему вопиет к Спасителю своему: «Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте и не на чем встать» (Пс. 55, 2—3; 56, 5; 68, 2—3). Только после прохождения верующим и уповающим «долины смертной тени» и может он с благодарностью сказать о Боге: «Который и избавил нас от столь близкой смерти» (человеков), «Господь же предстал мне и укрепил меня... и я избавился от львиных челюстей» и в триумфе духа может воспеть хвалебный гимн своему Избавителю, Спасителю и Вождю: «Твёрдо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой, извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему» (2 Кор. 1, 10; 2 Тим. 4, 17; Пс. 39, 2—4). Только тогда человеческо-теоретическая уверенность: «Не убоюсь зла, потому что Ты со мной» станет божественно-практическим фактом: «Бог был с ним и избавил его от всех скорбей его» (Деян. 7, 9—10).

Так бывает со всеми положительными и решительными путниками «в рай Ханаана, где вечного счастья рассвет». Так было с Давидом, праотцом Христа по плоти, и со всеми праведниками. Так было и с Потомком Давида по человеческому естеству, Корнем Давида по творческому Божеству, с Бого-Человеком Христом Иисусом (Откр. 22, 16).

«Он во дни плоти Своей» (Евр. 5, 7) неоднократно и разнообразно говорил ученикам Своим о цели Своего воплощения или вочеловечения, которая заключалась в искупительной жертвенной смерти Его. На человеческую плоть Свою Он смотрел как на жертву, а Божество Его представляло Священника вечного в силу неповторяемости Его жертвы. Являясь Пастырем овец, великого Кровью Завета вечного (Евр. 13, 20), Он объявил Своим неверующим слушателям так: «Я есмь Пастырь добрый... и жизнь Мою полагаю за овец... Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее: имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее» (Иак. 10: 14—15, 18). Добровольность в самопожертвовании и предьявление всемогущества в Самооживлении!..

В другом случае, заявляя Своим ученикам о Своем вечном священстве и о Своей жертве, всеобъемлющей по всемирности, всевековой по времени и вседостаточной по силе, Он сказал так: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу для искупления многих», т. е. ВСЕХ (Матф. 20, 28. Сравните 1 Тим. 2, 16; Евр. 2, 9; Титу 2, 11). Так заявил Бого-Человек Христос Иисус и врагам и дру-

зьям Своим, когда Его жертвенная, смертная половина находилась в полной безопасности. Когда же наступил решительный, не просто критический, но сокрушительный момент, момент входа бессмертного Священника и смертной Жертвы в Одним Лице уже в «долину смертной тени», но во врата самой смерти позорной, ужасной, мучительной смерти; когда вервие необходимости, брошенное на шею Жертвы, неотвратно тянуло Жертву к месту заклания, то Жертва, душой скорбя смертельно, а телом дрожа страшно от холодного пота, перемешавшегося с кровью, в студеную ночь ранней весны «с сильным воплем и со слезами» умоляла Небесного Отца о пощаде, говоря: «Отче Мой!.. Да минует Меня чаша сия», а твердолобый Священник говорил Всевышнему: «Да будет воля Твоя!» (Евр. 5, 7; Матф. 26: 39, 42). Непокоримая решимость Божественного Священника превозмогла над страхом трепещущей человеческой Жертвы, и искупление наше совершилось!

В отношении к общечеловеческому искуплению всех и каждого, желающего себе спасения от власти греха и от вечной смерти, можно сказать словами одного стиха в Псалме: «Смерть расторгнута, и мы избавились». В отдельных же случаях, после горьких христианских опытов, пережитых в «долине смертной тени» Христа ради, по выходе из нее «испытанные в горниле бедствий и скорбей», могут сладостно воспевать весь 123 псалом как хвалебный гимн своему Вождю и Избавителю и как победную песнь торжества во Христе после одержания славной победы над злом «силой Возлюбившего нас» (2 Кор. 2, 14; Рим. 8, 37).

Прошедшие «долину смертной тени» под водительством и при покровительстве Того, Кто «был мертв, и се, жив во веки веков» и Которому с момента Его славного воскресения из мертвых доныне и навсегда дана «всякая власть на небе и на земле» (Откр. 1, 18) — могут по личному опыту засвидетельствовать о верности слов:

*«Если я пойду и долиною
смертной тени,
не убоюсь зла, потому что
Ты со мною;
Твой жезл и Твой посох —
они успокоивают меня»*

Пс. 22, 4

и

*«...Дана Мне всякая власть
на небе и на земле...»*

Матф. 28, 18

На Голгофу...

Во дворе Каиафы

Утро близилось с каждой минутой.
Где-то слышен был крик петуха,
И в преддверье трагедии смутно
Горизонт вдалеке полыхал.

В полумгле образ Божий сокрытый
Можно вспомнить лишь сердце крепя...
Возглас дикий сменялся в ритме:
— Прореки, кто ударил Тебя?

И с безумно-звериной усладой
Поднималась рука палача...
Били просто, и били с досадой,
Но Он кротко терпел и молчал.

И скорбя, не просил о пощаде,
Но смотрел в глубину двора,
Где на миг повстречался со взглядом
Отрекающегося Петра.

И, казалось, в услышанном стоне
Было больше тоски оттого,
Что Иуда в безумии тонет,
Не поняв, как Бог любит его.

Испытав и хулу, и насмешки,
Предстоял Он презренным рабом,
Так о Нем говорила внешность,
Но во взоре искрилась любовь.

И встающему солнцу подобно,
Разгоралась она, чтоб светить,
Чтоб за самых негодных и злобных
Умолять: «Отче, им прости».

Новости города

Новость, как эпидемия,
В город проникла вдруг
И, не найдя заграждения,
Распространялась вокруг.

Самые свежие данные
Передавались из уст:
— Мной выполнялось задание —
Взят, наконец, Иисус.

Знаете сад Гефсимании,
Где протекает Кедрон?
Там Он устроил собрание,
Наш презирая закон.

Но время Его окончилось,
Над Ним совершится суд,
Кстати, чрез время к проконсулу
Его на допрос поведут.

На пути к правосудию

Город, как улей встревоженный.
Что это? Праздник? Какой? —
По улице Сына Божьего
Сопровождает конвой.

Руки ремнями стянуты,
Прямо глядят глаза,
Словно с бедой расстанутся
И в них не заглянет гроза.

Ноги, как будто свинцовые,
Тело несут, борясь,
И в сердце одно условие:
Выдержать, не упасть.

Но вот и дворец правосудия,
Слышится: «Стой!» — приказ...
А площадь какая людная,
Ей ли кричать: «На казнь!»?

Суд

Почему Ты молчишь? И друзья, и враги
Ждут, что скажут защитное слово уста
И молчанье прервется, чтоб даже глухим
Была понята

в жестах

Твоя правота.

Разве можно представить, чтоб вместо Тебя
Здесь Варавва права гражданина обрел,
Чтоб ему колосились под небом хлеба,
Когда он растоптал и любовь, и добро?

Защищаясь, скажи о волнующих днях,
О ликующем сыне Наинской вдовы,
О слепых, уходивших домой не впотьмах,
А под сводом пленяющей их синевы.

Расскажи, как уныло, без светлых надежд,
Прокаженные шли, а Тебя повстречав,
Уходили, забыв о гнетущей нужде:
Где им, жалким, для помощи встретить врача?

Вспомни то, как любила Тебя детвора,
Как тянулась к рукам, затаенно дыша,
Как, проснувшись, желала встречаться с утра,
И спроси:

— Разве дети к злодеям спешат?

А когда на защиту ответят: «Распни»,
Суд проси, чтоб свидетелей верных призвал,
Чтобы каждый из них все как есть разъяснил:
Что свершал Ты и многих к чему призывал.

И тогда помолчи... Скажет пусть Иаир,
Как Ты добр и велик, возвратив к жизни дочь,
Вартимей пусть расскажет, как чуден стал мир,
Когда Ты пожелал ему в горе помочь.

Прокаженные пусть подойдут на помост
И покажут рубцы затянувшихся ран,
А другие ответят на дерзкий вопрос,
Охладив разгоревшийся пыл горожан.

Только где они? Где? Их не видно в толпе.
Неужели пронзила сомнений стрела?
Неужели рассеялись все, оробев,
Зная, как беспощаден народ и Пилат.

...Крик насилья потряс первожданную твердь.
Правосудие пало под натиском лжи,
И из адских глубин была вызвана смерть,
Чтобы жизни лишить
Подсудимую Жизнь.

Радуйся, Царь

Стены претории... Он в багрянице,
Воин сплетает венок из терния,
Чтоб над Царем–царей наглумиться,
Чтоб испытать до конца терпение.

Злостным ударом шипы вонзились,
С целью убить в Нем истоки радости,
И долго звучало, как эхо в скалах:
—Радуйся, Царь Иудейский! Радуйся!

А Он молчал... И небо молчало,
Не угрожая разящей молнией,
У злодеянья чтоб вырвать жало
И сделать город пустыней безмолвною.

Но если б Он намекнул на помощь,
Воззвав к Отцу устами опухшими,
Враги б окунулись в сплошную полночь,
Став во мгновенье, как искры потухшие.

А это б значило: жуткий жребий
Лег бы на плечи всего человечества,
И никогда б не открылось небо
Гибнущим душам
Святым Отечеством.

И свет не разлился б от чудной Пасхи,
Что отражался в улыбке Симона,
Что Савла пленил на пути к Дамаску
И слабых делал мужами сильными.

И нас, глядящих в глаза безбожью,
Часто уставших от стужи яростной,
Мир бы ветрами скорбей уничтожил,
Если б не светоч пасхальной радости.

...Руки солдат в побоях устали.
Всё изуверство было исчерпано,
И воля последних команд исполнялось
Телом истерзанным.

Совершилось

Вид Его в галереях картинных
Так величествен и так мил,
Что едва ли поймется ныне:
«Умален и презрен пред людьми...»

Муж скорбей, испытавший горе,
Переживший болезни жар,
Под крестом уходил за город,
Своей жизнью не дорожа.

Отворялись калитки, и взглядом
Проводив до угла Христа,
Были те, кто шептал злорадно:
«Пусть спасет Себя от креста».

Не питая враждебности к шедшим,
Поднимавшим оружие в руках,
Утешал Он рыдавших женщин,
Словно смерть была далека.

Измощенный, усилъе удвоив,
Воплощая в реальность мечту,
Покорял Он бесстрашно, как воин,
Очень важную высоту.

А достигнув ее вершины,

Кровью грех человечества смыл,

Всему миру сказав:

«СОВЕРШИЛОСЬ»,

Чтобы к небу направились мы!

Покаявшийся РАЗБОЙНИК

Луки
23,
39—43

Снова наступает великий день воспоминания страдания и мученической смерти Сына Божьего, Спасителя и тот крест, который должен был уничтожить учение Иисуса Христа, покрыв Распятого кровавым позором; который от времен Апостола Павла и доньше казался только соблазном и безумием; который был потрясаем грехами христиан, увы! гораздо более, чем всеми нападениями из врагов — тот крест и ныне еще высится, чтобы напомнить миру о любви и святости Божьей и возвестить грешникам милосердие и прощение; Он высится, чтобы все его видели и знали, что Висящий на нём всегда готов склоняться к душам кающимся.

С какими же чувствами мы взираем на Него? Вспоминаем ли, что жертва требует жертвы и что наша порочная природа должна быть распята подобно Христу? Но увы! Сколько, может быть, людей будут отыскивать сегодня в кресте только зрелище, способное поразить их воображение, не трогая сердца. Впечатление, производимое страданиями Иисуса Христа, скрывает в себе какую-то тайну кротости, которая привлекает и трогает. И на таких людей она также оказывает свое влияние: но волнение их происходит не от раскаяния и не чувство смирения заставляет их проливать слезы. Души, наиболее суетные, вместе с тем и более доступны этим волнениям. Вы их видите на минуту растроганными, но в глубине души остающимися такими же легкомысленными. Эти глаза, наполняющиеся скоропроходящими слезами, воспаляются не менее при виде того, что льстит их вожделениям; эти уста, говорящие ныне о любви Искупителя, допускают речи и более свободные и эти сердца не менее бывают доступны тщеславию и другим порокам...

На Голгофе трое распятых. Один из них дает спасение, другой его получает, третий презирает. В середине — Царь милости; с одной стороны — преступник, который ею пользуется; с другой — преступник, который ее отвергает. Я предлагаю сегодня поразмыслить об этом замечательном моменте и заняться, в особенности, примером первого грешника, которого вид креста Христова побудил раскаяться.

«Вместе с Ним были распяты два разбойника». Святые евангелисты Матфей и Марк говорят, что они оба сначала также присоединялись

к толпе, злословившей Его (Матф. 27, 44; Марк. 15, 32). Оскорбления ото-
всюду! Когда дело шло о ненависти к Иисусу Христу, наиболее жестокие
враги примирялись: Ирод с Пилатом, саддукеи с фарисеями, вельможи
с народом, римляне с евреями и даже жертвы с их палачами. Задава-
лись ли вы когда-нибудь вопросом, откуда этот всеобщий заговор и по
какому быстрому и стремительному инстинкту соединяются все, чтобы
поносить Иисуса Христа? Это происходит оттого, что Христос Спаситель
являет Собою очевидную святость, выставляющую нашу природу в на-
стоящем свете и пробуждающую в ней всю силу греховности, которая,
обыкновенно, дремлет в глубине человеческой души... Один красноречивый
из людей возмущался тем, что только над его расой тяготеет преступле-
ние в смерти Иисуса Христа. Он был до известной степени прав: в этом
ответственны все мы; страсти, воздвигнувшие крест, были и есть страсти
всех времен и мест. Каждый раз, когда святость вступает в мир, она под-
нимает против себя неизбежный гнев, и представьте ее себе какой угодно
тихой и кроткой, она не может избежать ненависти. Это легко понять: что
может быть чище и благодетельнее света? Какую радость приносит он
тому, кто его видит являющимся после мрака, полного ужасов продол-
жительной ночи! Как восхищает он взгляд пленника, давно лишенного его
сладостного блеска! Но пусть хоть один луч этого света упадет на глаз
больной: он болезненно раздражает его и производит в нем весьма чув-
ствительное страдание; лучше избежать света и вернуться в потемки. То
же самое происходит в мире нравственном: глаз нашей души болен и вид
святости нас ослепляет; чем более блестяща она, тем большее производит
раздражение. Теперь представьте, что эта святость, прежде являвшаяся
в мир только в виде кое-где мерцающих точек, теперь воплощается в Су-
ществе, являющем её во всём её блеске; представьте, что это Суще-
ство нисходит в среду такого мира как наш. Как вы думаете, примут Его?
Я не колеблюсь отвечать, что тайная, но горячая и всё увеличивающаяся
ненависть скоро возбудится во всех душах, раздражающихся Её светом,
и ныне, как девятнадцать веков тому назад, добровольные слепцы вос-
кликнули бы вместе с евреями во дворе претории: «Возьми Его, возьми
из нашей среды!»

Мы довольствуемся тем, что бросаем камнем в Иудеев, объясняя по-
зорную картину Голгофы их фанатизмом, но мы в этом ошибаемся: стра-
сти, возбудившие иудейский народ, свойственны каждому человеческому
сердцу. Вы удивляетесь тому, что Христос мог быть тогда так ненавидим,
но думаете ли вы, гонящиеся за человеческой славой, что вы могли бы
слушать без содрогания то, как разоблачаются те грехи, которые делают
вас недостойными славы Божьей? Что испытали бы вы, обладая только
наружной религиозностью, которою доселе прикрывали вашу пустую пре-

ступную жизнь, если бы вас призвали к смерти, примиряющей всех? Разве вы, мысленно любующиеся вашим великодушием, могли бы перенести, когда величественная рука, раздвигая все завесы, открыла бы вам вашу внутреннюю ничтожность, тайные желания, интересующие вас расчеты и все низости, скрывающиеся в человеческой душе? И когда Он повелел бы вам следовать за Ним и нести ваш крест, отрекшись от всего,— думаете ли вы, что ваше высокомерие не возмутилось бы против такого повеления? Ах, мне кажется, что я слышу весь протест наших чувственных сердец, раздраженных тягостным для них словом, и вижу все те страсти, которые осудили Христа и, вступив в злобный союз, старались в одном общем созвучии заглушить свое собственное смятение. Дурные инстинкты сплотились бы в одно, чтобы удалить такого обличителя. Новейшее фарисейство, где религия и благопристойность вполне довольствуются обычаями, подало бы руку саддукейству, т. е. легкомысленному скептицизму и насмехающемуся материализму; жестокое корыстолюбие, постыдные развлечения, низкие страсти, одним словом, все соединилось бы, чтобы воскликнуть: «Распни Его!» И истина, ненавидимая одними и трусливо непризнаваемая другими, имела бы, как в Иерусалиме, своих притеснителей и палачей. Она нашла бы и здесь тех криводушных судей, которые умыли бы руки, осуждая её. Всё приняло бы участие в этой зловещей свите: Ирод и Пилат соединились бы, чтобы погубить её.

Всему этому быть теперь не суждено, и Христос не должен более умирать; но не довольно ли для нас знать, что это могло бы еще быть? Нет. Враги Иисуса Христа не только на Голгофе: они повсюду, где есть сердца, которых истина ранит, а святость раздражает и которые охотно предаются греху, потому что эти сердца в присутствии Христа и осужденные Им, ненавидят Его, подобно Иудеям. Если есть среди нас хоть один человек, который, несмотря на проповедь Евангелия, живет в грехе и предпочитает мрак свету, пусть он знает, что он соучастник в распятии Спасителя, потому что насколько пребывает в нём, как говорит Апостол Павел, настолько он снова распинает Сына Божьего и предает Его поношению.

Итак, все Его поносили, но в этом созвучии оскорблений наиболее удивившие меня голоса были голоса двух разбойников. Как?! И они тоже присоединяются к толпе? Чего же они ждут от нее? Ведь для нее они также предметы презрения, и однако же они соединяются с ней против Иисуса Христа. Какое же зло Он им сделал? Что означает это жестокое позорное удальство и как его объяснить? Объяснить это нетрудно, страдание имеет свои искушения: чем заслуженнее оно, тем скорее оно ведет к ропоту. А от ропота к богохульству часто один только шаг. Эти люди, предчувствуя свой конец, от земли уже не ждут

ничего. Перед ними одни только мучения ужасной агонии, и вот их отчаяние превращается в ярость. Они злословят Христа, потому что Христос, называя Себя Спасителем, не хотел сойти со креста и не спасал ни Себя, ни их. Безумцы не знали, что, оставаясь там, Он спасал их души. Как же не подумать теперь без содрогания о тех, которых страдание ожесточает; оно, которое должно быть вестником, указывающим на путь к Богу, так как только в несчастье мы познаем мир и самих себя. Разрушая наши силы, страдание заставляет нас чувствовать нашу полнейшую зависимость и, охлаждая наши ложные радости, заставляет нас испытывать всю горечь греха. Подобно этому и Евангелие обращает свои наилучшие обещания преимущественно скорбящим. И однако же разве многие его так понимают, и сколько раз оно, напротив, производило только возмущение. Вы, может быть, думаете, что наиболее нуждающиеся в утешении вместе с тем наиболее преданы Иисусу Христу; что усерднее всех призывают Освободителя те, которые сильнее всех чувствуют гнет нужды; что те горячо желают истинного убежища, которые не могли найти его здесь под луной и что те имеют нужду в вечной любви, у которых сердца были истерзаны на земле? Вам кажется, что между отпавшими от Христа душами, по крайней мере, удрученные должны были остаться Ему верны, так как, кто кроме Него имел для них наилучшие изъявления участия; кто умел лучше обращать к ним слова вечной жизни, кто, как не Он, болел их скорбями? И однако же вы часто видите, как горе богохульствует и возмущается, вы видите сердца, насмехающиеся над Евангелием и обетованиями Его, отзывающиеся на все увещания какою-то мрачной, горькой иронией и отвергающие с насмешкой нежнейшие слова Божественной любви. Несчастные! Куда же пойдут они, оттолкнувши Христа Спасителя, и кто их утешит, если они презирают слова Божественного Утешителя. Поистине, несчастные безумцы, потому что если появляется какой-нибудь проповедник всеобщего отрицания, говорящий, что небо — необитаемо, что молитвы — напрасный звук, остающийся без ответа, что в мире играют роль случайности и что для человека все кончается в тлении могилы, то вы видите, с какими криками радости они прибегают к нему, называя его своим другом и освободителем, и какую горестную утеху найдут они в печальной перспективе беспробудной ночи. Отсюда становится понятным, что и распятые со Христом оскорбляли Его.

Но кто может измерить всю глубину милосердия? Как дерзнет человеческая душа отчаяться навсегда? В то время как гул оскорблений раздавался на Голгофе, один из разбойников молча созерцал Иисуса Христа. Он видит это лицо, по которому струится кровь, и открывает в Нем изумляющее Его величие; в Его взгляде он замечает никогда дотоле им

невиданную кротость и среди народных криков слышит эти слова: «Отче! прости им; ибо не знают, что делают». Тогда в мрачной глубине души этого человека начинается страшная борьба. Божественный свет озаряет и осеняет его, он в первый раз видит святость и любовь. Проникнутый незнакомым волнением, он вглядывается еще и еще, и божественное величие Распятого представляется все яснее и яснее его душе. Но он не может таить только в себе самом осветившую его истину. Иисус не сделал никакого зла, и он хочет высказать это. Что из того, что он преступник: он хочет говорить и говорит. Иисус поучал в течение трех лет, и Его всегда приветствовали народные массы, но на Голгофе, кроме разбойника, никто не нашелся возвещать Его доброту. Помните об этом, малодушные христиане, вера которых колеблется при виде покинувшей Иисуса толпы. Чтобы верить, вам необходимо сочувствие большинства. Итак, знайте, что в тот торжественный час, когда распятая Истина отдавалась на народную потеху, она имела за себя только одного свидетеля, и этот свидетель был — распятый разбойник.

В то время как он созерцает Иисуса Христа, его собственная ничтожность открывается перед ним. До тех пор он заглушал в себе голос совести, с намерением ожесточая себя, но теперь он начинает различать все преступления своего ничтожного существования, и свет свыше делает ему видным его собственный мрак. Перед этой всепрощающей Любовью его эгоизм смущается, и беззакония выступают во всей их неприглядности. Прислушайтесь к его признанию: «Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли». Вот, друзья, язык растроганной души: ни оправданий, ни пустых отговорок! Он увидал и познал себя; этого для него было довольно, чтобы из его уст, которые несколько минут тому назад богохульствовали, раздался возглас раскаяния. И этого довольно также для того, чтобы он служил для нас вечным примером раскаяния, научая признаваться без всяких уверток в нашей греховности и прибегать, подобно ему, к милосердию Спасителя.

«Как! В такое непродолжительное время?» — воскликнет скептик, встречая это событие с улыбкой недоверия. Мир не верит подобным внезапным изменениям. И как ему поверить, в особенности теперь, когда все пытаются объяснить простым действием природы... Нам трактуют теперь о медленных, бессознательных перерождениях, зародыш которых заключался в предшествовавших свойствах индивидуума, т. е. этим отвергают всякое Божественное влияние на историю людей так же как и на историю мира. Но противопоставляя приговорам науки нашу веру в Бога Творца, мы противопоставляем приговорам ходячей морали нашу веру в Бога как Преобразователя. Без сомнения, в обыкновенных путях Бог руководится законами, Им же Самим установленными. Но Бог ми-

лосердия есть в то же время Бог повелений, и, не будучи внезапным, но, вместе с тем, следуя за развитием, которое мы зовем естественным, мы признаем это обращение глубоким и существенным. Иногда Бог предпочитает непосредственно действовать Своей властью и тогда время Ему повинует. Вы, неверующие во внезапные обращения и в то, что мы зовем действием благодати, какое же определение времени назначите для Бога? Время? Но что оно для души? Разве не бывает часов, тяготеющих над человеческим существованием целыми годами, и разве не бывает тех решительных минут, когда сосредотачивается напряженность жизни и действий, которых нельзя подчинить измерению? Одним словом, нуждается ли Бог во времени, чтобы исполнить Свою волю? Я верю Евангелию, которое мне указывает в стольких случаях победоносную благодать; мне доказывают это также Апостолы, покидающие все и идущие за Иисусом Христом. Левий, ставший Матфеем; Савл, ставший святым Павлом; Симон, ставший Кифой; разбойник, раскаявшийся и изменившийся. Это же доказываете мне, если захотите, и вы, раб характера, искушений и привычек, которые вы считаете присущими вашей природе; вы, призываемый сделаться свободным через действие веры; вы, слабый и вялый и ставший энергичным и сильным; вы, гордый и сделавшийся смиренным. «Если кто-нибудь содержит в себе Христа,— говорит Апостол,— то это новое творение; каждое новое творение приходит от Бога». Верьте же в Бога, Который перерождает, противопоставляйте всем злым силам могущество Его и, когда дело идет о будущем вашей души, не отчаивайтесь. Помощь Божья бесконечна: из насмешника она может сделать верующего, из богохульника — пример истинного раскаяния и обращения.

Но если мы так поражаемся раскаянием разбойника, то как же нас должна поразить его вера? В распятом Иисусе он познал своего Царя; он увидел над Его головой насмешливую надпись, выставленную по приказу Пилата: «Сей есть Иисус Царь Иудейский!» Он знает, что Иисус называл Себя Царем, он видит это Царство и приветствует его в то время, когда все другие отвергают это Царство и Его Царя. Под терновым венцом он видит сияющую славу, в слабости видит Его могущество, в унижении — торжество. Этот крест, считавшийся последним между орудиями казни, в его глазах сделался таким, каким он есть теперь и будет всегда, покрывши весь мир. Иисус один, отвергнутый первосвященниками и мудрецами и прокливаемый народом — пусть! Но для него Он, тем не менее, Царь Израильский. Иисус не свободен, Его руки пригвождены к дереву, уста осушены лихорадочной агонией, но в его глазах Он — Владыка, и когда Его учение кажется всем навеки ниспроверженным, он видит его только что возродившимся. Вот что такое вера во всей её простоте и, вместе с тем,

величии. Вот она без видимых доказательств, без единственной поддержки на земле и, однако, вся устремленная в бесконечное, охватывающая будущее своим пророческим взором, опережающим века. Всё было против неё: толпа, мнение знати и мудрецов, оставление Иисуса учениками, близкая и страшная действительность смерти. Но, несмотря на это, разбойник верил. Ошибался ли он?

Но если такова была вера разбойника, созерцавшего Иисуса Христа не более двух часов, то не заслуживаем ли мы крайнего осуждения после сего, если позволяем себе еще сомневаться? Разбойник видел Иисуса только в Его унижении — мы видели и видим Его во славе; он видел только поношения, которыми покрывали Его люди,— мы видели и продолжаем видеть Его торжество. Мы видели этот презираемый крест, ставший орудием Божиим для спасения людей. Мы его видели водруженным в недрах древнего мира. Там, в глубине неисправимой испорченности, он заставил возникнуть новое человечество, призвав народы к вере и надежде. Мы видели миллионы грешников, вырванных через его содействие из омыта страстей и навсегда покоренных Иисусу Христу. Мы видели его явившимся еще более блестящим и прочным после бурь, готовых, казалось, навсегда уничтожить его с корнем. Мы видим ныне его водружаемым по всем краям света и приносящим душам удрученным утешение, покаяние и освящение. Мы его видим в борьбе с наиболее жестокими горестями, которым на земле нет утешения, и победившим их. Мы видим его дающим успокоение в последний час сердцам, отчаяние которых, казалось, было бесконечно. Сколько раз, наконец, мы сами чувствовали на себе его победоносную силу. Нам случалось останавливаться перед крестом и тогда любовь Божья пробуждалась в нас во всем ее величии, мы ей подчинялись и покорялись, но, быть может, некоторые из нас все же взирают на будущее с каким-то боязливым сомнением. В то время как разбойник утверждает Царство Распятого, мы просим, колеблясь и смущаясь, чтобы это царство пришло, и едва верим его победе после многих веков борьбы и успеха.

«Господи, помяни меня, когда придешь в Царство Твое». Это — молитва веры, той веры, которая просит милости, и Царство, которого она ожидает, есть царство благодати. «Помяни меня!» Он предвидит вечный суд, так как через несколько мгновений всё кончится для него на земле. Вспомни обо мне, когда я предстану перед престолом праведного Судии. Один и без опоры, вспомни обо мне в этот страшный час! Какое сильное чувство в этой молитве и какая перемена в этом человеке! Несколько минут тому назад он не верил и возмущался, теперь был полон упования и покорности. В его душу, удрученную боязнью и угрызениями совести, проникла вера с ее непоколебимым упованием,

так живо выразившимися в этой простой молитве: «Вспомни обо мне».

Вот, друзья, действие милосердия, вот те преобразования, которые может творить только Бог. Знаете ли вы лучшие преобразования?

Вы видели возрождающееся создание под дыханием весны; видели, что там, где зима разостлала свой погребальный саван, где царили неподвижность, молчание и мрак, явилось движение, жизнь и радость. Вы видели под сияющим небом местность, всю покрытую морем зелени, среди которого цветы, волнующие легким ветерком, сверкали бесконечными оттенками своих красок, наполняя воздух своим благоуханием. Вы видели, как выходило из этой земли, казавшейся мертвой и обледенелой, всё богатство растительности. Вы приветствовали эту дивную власть жизни, победившую смерть. Но что значат все эти чудеса в сравнении с преобразованием души, переходящей от смерти к жизни, которая обуреваема была недавно низкими страстями, а теперь открывается для новой возвышенной жизни и которая, зная прежде одни эгоистические привязанности, чувствует себя теперь проникнутой любовью к Богу? Новый свет ее освещает, и надежда на вечность радует ее; огонь милосердия очищает ее действия; бури страстей успокаиваются; мир Божий наполняет ее, и она узнает, наконец, жизнь, жизнь истинную, не прерываемую смертью, потому что начало ее в Боге. Что же нужно, чтобы это чудо совершилось? Взор веры, чувство глубокого раскаяния и смиренного упования; взор грешника, чувствующего себя осужденным и отдающего себя в руки бесконечного милосердия. «Господи, помяни меня!» И Христос сказал ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю». Сегодня!.. Какая поспешность! Со Мною!.. Какое общество! В раю... Какое блаженство!

После омытия преступного существования перед разбойником открывается рай в общении с Богом и святыми. Всемогущий и милосердный небесный Отец восхотел, чтобы первая душа, спасенная крестом Его Сына, была душа злодея для напоминания нам, что спасение есть милость, которую нужно получать духовным коленопреклонением. Разбойник! О утешительная мысль! Дайте нам вникнуть в это. «Перед Божественным правосудием,— спрашивает Апостол Павел,— какая разница между тобой и другим? Бог нас осудил всех, чтобы всем дать помилование. Преступные или добродетельные грешники, работники первого или одиннадцатого часа — все мы имеем одно убежище: Божественное милосердие. Пусть возмущается гордость фарисея! Где разница между этим злодеем и нами? Рассмотрим обстоятельства: вы не знаете его жизни, но еще менее знаете вашу. Подумайте о всех искушениях, от которых вы устояли. Много ли их? О наставлениях, светом которых вы были окружены с детства и которыми пренебрегли, о всех воззвани-

ях и предупреждениях, которых вы не хотели слушать. Подумайте, что случилось бы с вами в тот день и час, когда Бог представил бы вас самим себе; подумайте о тех природных влечениях, которым не доставало только случайного толчка, чтобы произошло постыдное падение; о тех порывах ненависти и зависти, которых в вас никто не подозревал, но которые, тем не менее, внутренне порочили вашу душу.

Добродетельный грешник, проследи твою жизнь перед лицом святого Бога, взвесь твои действия и мысли и дерзни сказать преступнику, которому Бог оказал милость: «Я лучше этого человека».

Для нашего спасения мы призываем Спасителя, обратившего разбойника. Мы нуждаемся в Его оправдании, в Его полном, безусловном прощении, и в этом наше упование и наш мир.

«Ныне же будешь со Мною в раю!»

Иисус, открывая разбойнику рай, все же оставляет его страдать и умереть на кресте. Он не смягчает его настоящих мучений и не облегчает ничего в его агонии.

Заметьте это обстоятельство последнее все те, которых Бог призывает к страданию. Часто несчастья смущали вашу душу и скрывали от вас помощь Божью. Как поверить, что Он вас любит, когда Он предоставляет вас вашей судьбе? Когда никакое внешнее облегчение не обнаруживает Его посредничества? Когда, подобно другим, вы должны пить до конца горькую чашу Его испытания?

Но злодей спасся, и однако он страдает. Рай был ему открыт, но он все-таки остается пригвожденным ко кресту. Он был уверен в вечности, но его казнь продолжается. Да, он страдает, потому что Бог обещал ему блаженство не на земле и освобождение не от телесных страданий. Он страдает, как будто Бог его не любил. Но подумайте об этом: он страдает со своим Спасителем! О блаженные страдания, и захотел ли бы он отказаться от них? Он страдает, но его страдание преобразилось, потому что его умирающий взгляд зрит Того, Кто приносится в жертву ради его спасения. Он идет разделить с Ним Его Царство, и разве тяжело при этом пострадать с Ним? Разве тяжело принимать участие в Его душевной тяготе, соединяясь с Ним в общем бесславии и унижении?

Вот, друзья, страдание христианина! Вот чем объясняются возгласы радости и благодатные действия молитвы, встречаемые в самой скорбной жизни и среди самых жестоких страданий.

Сегодня со Мною на кресте, в ожидании, что ты будешь со Мною же во славе!

Но на кресте, как и во славе, друзья,
с Ним, всегда с Ним!

Аминь!

Христос

ВОСКРЕС

*«...Христос воскрес из мертвых славою Отца...» Рим. 6, 4
«...Но я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» Иоан. 16, 22*

Пасхальное утро... Весна. Гармония тепла и света. Пробуждающаяся природа. Для всякого человека, чей разум просветлен познанием славы Божьей в лице Иисуса Христа, светлое воспоминание Воскресения Его приносит обильное благословение и великую радость. Для всех, кто мыслит, для всех духовно живых людей это утро является началом великого праздника Господня.

Темная ночь сменилась светлым радостным днем, первым днем новой недели, первым днем весны в духовном мире.

Впрочем, не везде, не во всех географических широтах в это время бывает весна. В Палестине, например, это — месяц колосьеv, т. е. начинают колоситься, наливаться хлеба. Не на этот ли факт указывал Иисус Христос перед Своими страданиями и смертью: «...Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12, 23—24).

Но мы не можем объять нашим ограниченным умом всю совокупность явлений, происходящих во вселенной по воле Бога Творца, тем более, когда Он творит «все новое» (Откр. 21, 5). Поэтому только отчасти мы познаем астрономические явления, явления природы и истории в их совокупности и взаимосвязи, извлекая из этих познаний полезное для укрепления нашей веры, а верой мы достигаем спасения душ наших.

«К сему-то спасению относились изыскания и исследования пророков, которые предсказывали о назначенной вам благодати, исследуя, на которое и на какое время указывал сущий в них Дух Христов, когда Он предвозвещал Христовы страдания и последующую за ними славу» (1 Петр. 1, 9—11).

Праздник воскресения Господа нашего Иисуса Христа совпадает

с праздником ветхозаветной Пасхи, который был установлен Богом в воспоминание выхода Израильского народа из египетского рабства. Слово «пасха» означает «избавление», или буквально: «прошел мимо» (Исх. 12, 1—14, 21—29). И так как воскресение Господа из мертвых следует непосредственно за страданиями и смертью Его, то и слово Пасха в смысле избавления нашего от рабства греха и смерти перешло и в Новый Завет. И подлинный смысл его Апостол Павел выражает такими словами: «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор. 5, 7).

Исторический факт выхода Израиля из Египта получал свое завершение не только в заклании пасхального агнца и помазании его кровью косяков дверей израильских жилищ, хотя и в этот великий момент избавление Божье для них было очевидно. Но окончательное торжество и полную радость этого избавления Израиль пережил после выхода на другой берег Красного моря, когда видимая опасность смерти для них полностью миновала. «Тогда Моисей и сыны Израилевы воспели Господу песнь... Господь крепость моя и слава моя, Он мне был спасением. Он Бог мой, прославлю Его... Десница Твоя, Господи... сразила врага» (Исх. 14, 31; 15: 2, 6).

Дух Святой через Апостола Павла назвал переход Израиля через море крещением (1 Кор. 10: 1—2, 11). А Господь о Своих страданиях и смерти на кресте сказал: «Крещением должен Я креститься...» (Лук. 12, 50; Мар. 10, 39). И если слово «крещение» означает «погружение», то «воскресение» указывает на противоположное действие: выход из погруженного состояния. «Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть,— говорит Апостол Павел,— дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6, 4).

Он был за нас крещен страданиями на Голгофском кресте, погружен в смерть. «Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем... Господь возложил на Него грехи всех нас» (Ис. 53, 5—6).

Очевидцы страданий и смерти Господа пережили весь ужас греха всего рода человеческого, который причинил смерть нашему Заместителю, Агнцу Божьему, на кресте. Это страшное оружие прошло душу Марии Матери Иисуса Христа...

«Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» (Деян. 2, 24).

Слава, слава, слава и вечное поклонение Богу, воскресившему из мертвых Иисуса Христа Господа нашего!!!

«Итак славьте Господа на востоке, на островах морских — имя Господа Бога Израилева. От края земли мы слышим песнь: “Слава Праведному!”» (Ис. 24, 15—16).

Из первосвященнической молитвы Господа (Иоан. 17: 1—5, 24) и других

пояснений, данных Им Своим ученикам о воскресении Его (Лук. 24, 26), мы познаем силу воскресения Его. «Христос воскрес из мертвых славою Отца!» и самый акт воскресения Он называет — «войти в славу Свою».

Кончилось безраздельное царство греха и смерти! «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» Воцарился распятый и воскресший Спаситель мира, учредил царство прощения, спасения и жизни вечной! «Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!» (1 Кор. 15: 55, 57).

Дни скорби и плача учеников Господа и всех уверовавших в Него сменились великой радостью в день Воскресения Иисуса Христа. И сбылось слово Его: «Но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Иоан. 16, 22).

Дорогие читатели журнала «Вестник спасения»! Да даст всем нам воскресший Господь снова и снова очами веры нашей увидеть славу воскресения Его. И да почует на нас с вами Дух славы Его среди всех гонений и скорбей, переносимых нами и в настоящее время! «Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Петр. 4, 13—14). Хотя мы не удостоились быть очевидцами Его воскресения, но и о нас позаботился наш любящий Отец, послав Духа Своего Святого Утешителя и для нас, чтобы и мы исполнились радостью воскресения Господа нашего Иисуса Христа и радости нашей никто не отнимет у нас! Никто.

Необращенный читатель! Может быть, вы даже в числе гонителей христиан. Христос сказал: «Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе». Он имеет такую притягательную силу. И даже эти скромные страницы, на которых излагается истина о вашем спасении, «привлекают» вас, не говоря уже о последователях Иисуса Христа... которых вы преследуете, чтобы уничтожить веру в живого Бога. Желаем и вам, чтобы праздник Воскресения Христова принес вам умиленное сердце и чтобы вы обратились к Господу вашему Спасителю с раскаянием и получили у Него прощение грехов ваших и радость жизни вечной, которой никто не отнимет у вас. Только просим вас об одном. «Как говорит Дух Святой: "Ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердце ваших..."» (Евр. 3, 7—8).

Малейшее пробуждение мысли, самый слабый проблеск света в вашей душе, дающие познание о Боге не заглушайте в себе, но поблагодарите Его за нежный голос Духа Святого. Он благодарному сердцу откроется всё больше и больше в славе Своей, в Его любви, милости и прощении.

Итак, все любящие Господа, ХРИСТОС ВОСКРЕС! Повторим снова и снова наше традиционное русское приветствие:

ХРИСТОС

ВОИСТИНУ

ВОСКРЕС!!!

ВОСКРЕС *для нашего*

ОПРАВДАНИЯ

Рим. 4, 25

Еще задолго до грехопадения человечества, Бог, предвидя, что оно неизбежно произойдет, в любви Своей предусмотрел оправдание Своего творения. Закон, получивший название Моисеева, был дан Им для того, чтобы человек, сверяя по нему жизнь свою, мог убедиться, что при всем своём старании он не в силах исполнить волю Божью (а лишь она гарантировала его душе счастье в вечности). Закон впервые провел чёткую границу между добром и злом, положил ясное различие между человеческим своеволием и волей Божьей, между грехом и святостью Иеговы. Закон не был угрозой Праведного Судии, но, наоборот,— Его обетованием, которое гласило: «Кто исполняет закон, тот жив будет им» (Гал. 3, 12; Лев. 18, 5). Но на всей земле не нашлось, даже из числа самых благочестивых, и единого человека, который, прилагая всё старание исполнить закон в точности, в конце концов с горечью в сердце не признался бы: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти» (Рим. 7, 24). Итак, человек, хотя и понимал в чем состоит воля Божья и до отчаяния боролся со грехом, но в конечном счете изнемогал и падал. После грехопадения Адама всякий человек сделался рабом греха. Грех вошел в него по наследству, и человек попадал под проклятие, строго предупреждающее: «Возмездие за грех — смерть». И потому Бог, понимая беспомощное состояние человека, в безграничной Своей милости согласился Самолично ему помочь. И с этой целью послал в мир Сына Своего на страдание, в жертву умиловления за грехи наши. Совершенно безвинный и святой наш Господь Иисус Христос был распят на Голгофском кресте, где и умер мученической смертью, а на третий день для общей радости Его учеников, расторгнув узы смерти, воскрес.

Апостол Павел говорит о Нем, что Он: «...предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего» (Рим. 4, 25). Таково значение Его смерти и воскресения. Одной смерти Иисуса Христа для нашего спасения было недостаточно. Врата Небесного града и после Его смерти по-прежнему оставались плотно закрытыми. Отдав за нас Свою жизнь, Христос принял наказание за наши грехи. То, что мы должны были понести, взял на Себя Он. Через смерть Его с нас было снято наказание, но не снята еще вина, ибо для того, чтобы признать нас невиновными, нужно было воскресение, и Христос «воскрес для

оправдания нашего». Раньше наша вина перед Богом состояла в том, что преступая Его святой закон, мы совершали грех. Со смертью же Сына Божьего мы не должны были бы отвечать за свои грехи: жертва за них принесена и вполне удовлетворяла Всевышнего Судью. Но теперь мы должны были бы ответить за смерть Сына Его. О ужас! Кто оправдает нас?! Грех с нас снят и удален, как запад от востока, однако, страшная участь ада все равно тяготела бы над нами! Кто оправдает нас? Спаситель Христос во второй раз спешит к нам на помощь и Своим воскресением оправдывает перед Отцом вполне и делает нас наследниками неба.

Итак, в чем не могли мы оправдаться перед Богом делами закона, оправдываемся Христом. Оправданный — это совершенно невинный, а значит, святой, словно никогда на знавший греха. К святости Христа, которую Он дарует нам, ничего не прибавишь. Да и нужны ли с нашей стороны какие-либо другие усилия, кроме простой веры в Его оправдание, чтобы сохранить за собой святость и пребыть в ней до последнего дня земной жизни.

Но именно нас, облекшихся в святость Христову, подстерегает диавол и говорит: «Как же ты можешь считать себя святым, если после прощения Богом твоих грехов по вере, ты вновь и вновь согрешаешь. Вероятно, ты не таков, иначе не согрешал бы». И дитя Божье, смущенное такими речами сатаны, спешит задать себе вопрос: «А в самом деле: свят ли я? Наверное, настоящей святости я еще не достиг и кроме веры мне нужно еще что-то». И сердце обжигает сомнение. Но отчаиваться не стоит. Облекшись в святость Христа, мы еще не раз споткнемся и, нуждаясь в очистительной силе Крови Христа, снова прибегнем к ней. Но даже это очередное омытие грехов не будет говорить о том, что до последующего согрешения мы сделали себя безгрешными и что в плоти и духе нашем не осталось никакой скверны. Святость, которую мы имеем, это не наша святость и получили мы ее не путем вовлечения плоти греховной, но как дар. Христос смертью Своей не делал грешника безгрешным, но предложил в дар Свою святость, как новую одежду. И ее мы получаем через веру и никак иначе. Что же касается нашей личной святости, то ее не было и никогда не будет и мы, исследуя себя, будем познавать в себе все новые и новые грехи. Но освободившись от всякого сознательного греха и верой одевшись в виссон праведности Христовой мы становимся «святы и непорочны» перед Ним раз и навсегда. Одежда Его праведности снята с нас будет лишь тогда, когда мы, воспользовавшись Кровью Христовой, примиряемся с грехом, решив, что он не так уж и грешен и что исповедоваться в нем не обязательно или успеется. И когда с нас будет снята одежда Его праведности, мы остаемся в своей, а «наша праведность, как запачканная одежда». Как верой обретается святость Христова, так и сохранить ее за собой мы сможем только верой. Если Христос принят нами в сердце, это не освобождает нас от обязанности бодрствовать. Пребывая

в нашем сердце, Он только помогает нам в борьбе со грехом, но не принимает всей инициативы борьбы на Себя. Он готов бороться за нас, будет бороться, но хочет, чтобы мы сами находились с Ним на поле брани и указывали Ему на слабые участки духовного фронта.

Из всего сказанного следует, что первым условием, дабы оправдание Бога, воскресившего Иисуса, стало нашим,— является путь освобождения от всякого СОЗНАТЕЛЬНОГО ГРЕХА; вторым — признание Его оправдания и облечение в Его святость; и третье условие: ежеминутное пребывание в этой святости посредством очищающей веры.

Итак, «как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем» (Кол. 2, 6), тем более, что эта заповедь имеет обетование. О ней так говорит Давид: «Ты благословляешь праведника, Господи...» (Пс. 5, 13).

Будем же дорожить праведностью нашего Спасителя Иисуса, которую Он даровал нам Своим славным воскресением, ибо награда за это велика.

ХРИСТОС

воскрес! Пришла весна
Тому, чья жизнь в грехах тесна,
Тому, кто жизнью горькой жил
Среди сугробов и могил.

Христос воскрес! Пришло тепло
Тому, в чьем сердце мрак и зло,
Тому, чей дух обледенел
И жертвой стал для вражьих стрел.

Христос воскрес! Растут цветы
Тому, кто лучшие мечты
В огне пороков загубил,
Кому стал свет уже не мил.

Христос воскрес! Мы будем жить!
В руках Христа всей жизни нить!
У нас в душе теперь весна,
Тепло, цветы и тишина!

ОДИНОЧЕСТВО

ХРИСТИАНИН

«Вы... Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною» Иоан. 16, 32

Есть, друзья, два рода уединения: уединение видимое и невидимое. Когда нас никто не видит, не трогает и не слышит, мы говорим, что мы одни; однако же не всегда только в этом заключается истинное одиночество. Рыболов не чувствует себя одиноким, проводя ночи среди огромного водного пространства, не слыша шума, кроме однообразного плеска волн и воя ветра, не нарушаемых никаким человеческим голосом. Он думает о своей семье, мирно покоящейся дома, о своих нетревожимых заботой детях, для которых он работает. Любовь к ним наполняет его сердце, и он не одинок. Не одинока также труженица, которая в своей каморке, при свете маленькой лампы с лихорадочной поспешностью работает своей иглой, зная, что, окончив работу до зари, она доставит тем, кого любит, пропитание на завтрашний день. Нет, тот, кто любит, не бывает одиноким. Это одиночество только видимое. Напротив, можно быть окруженным шумной, деловой толпой и, несмотря на это, чувствовать себя более одиноким, чем в пустыне. Есть люди, соприкосновение с которыми не затрагивает в нашей душе ни одной симпатичной струны; их рука сжимает вашу, но это равнодушное пожатие ничего не производит в вашем сердце. Вы встречаете их взгляд, который, может быть, вызовет в вас только вежливую улыбку, несколько не согретую искренней и глубокой привязанностью.

Это внутреннее одиночество среди толпы каждый из нас когда-либо чувствовал. Так, при возвращении с кладбища, где вы зарыли часть вашего сердца и вашей жизни, всякий шум и движение толпы казались вам пустыми, излишними и неприятными. Каждому, несомненно, известно, как сжимается сердце, когда оно чувствует себя одиноким. Так бывает даже с душами, наиболее мирскими, увлекающимися и преданными суете, и если бы мы могли проникнуть в душу таких людей, всецело поглощенных тем, что происходит кругом, мы часто открыли бы там сухость сердца и ужасающее нас нравственное одиночество.

Нужно ли говорить, какое из двух одиночеств — внешнее или внутреннее — переносить тяжелее? Одиночество сердца, бесспорно, есть самое ужасное из всех. Чувствовать себя затерянным среди обширной все-

ленной, зная, что вы никому не дороги и никто не интересуется вашей судьбой,— разве есть состояние горестнее этого? И однако мы знаем, что существует класс людей, охотно принимающих эту участь: быть одиноким не составляет несчастья для некоторых эгоистов. Напротив, величие одиночества имеет для них что-то обаятельное. Не иметь ничего общего с людьми, забраться на вершину, недоступную людям и гордо восседать там, для них есть нечто весьма привлекательное. Такой человек, я уверен, скорее проложит себе дорогу в свете; никакая привязанность не останавливает его хода, он будет преследовать решительно свою цель, будь это слава или богатство, попирая ногами соперников и друзей, отодвигая всё стесняющее его, всё, что хотя сколько-нибудь угрожает остановить его на минуту. Подобно хирургу, оперирующему без содрогания живой, трепещущий организм, он сделает свое дело во что бы то ни стало, преследуя всеми возможными средствами намеченную им здесь цель, и, если он будет иметь успех, про него скажут: «Это великий человек!» Таково величие эгоизма, таково величие ада.

В Иисусе Христе Евангелие представляет нам, друзья, величие особого рода, Божественное, а не земное, которое возвещает любовь и требует любви. И так как Христос был весь воплощенная любовь, то слова, составляющие суть этой статьи, имеют особый, глубокий смысл: «Вы Меня оставите одного». Рассмотрим же, друзья, что были за причины одиночества Иисуса, и посмотрим, какие утешения Он нашел и выразил в дальнейших словах: «Я не один, Отец со Мною!»

Когда человек обрекает себя здесь на земле на служение истине или правде, он рано или поздно становится одиноким. Он, может быть, и найдет симпатию, но не в то время, когда он сильно борется и имеет наибольшую нужду в ней. Каждая истина вначале не признается и становится предметом поношений и страданий для ее первых проповедников. Подтверждаясь мировой опытностью, это положение особенно оправдалось по отношению к религиозной истине. Истина религиозная, в силу ее святости, затрагивает наши греховные стремления, указывает на наше ничтожество, открывает все наиболее гнусное и преступное в сердце. Она унижает и разрушает нашу гордость, и потому мы всегда можем быть уверены, что против нее рано или поздно составится союз из всех человеческих страстей и так будет до самого конца мира. Бывают минуты, когда думается, что истина побеждает, но так как сердце человеческое всегда одно и то же, то среди явных последователей, окружающих ее, скоро замечаются те же самые враждебные наклонности, те же самые пороки и та же самая ненависть против ее авторитета. Пробегая историю всех тех, которые были здесь на земле свидетелями вечной истины и правды, я вижу их всех наичаще одинокими, непонятыми и непризнан-

ными. Был одинок Моисей, в продолжение 40 лет страдавший в Египте со своим поработанным народом, и был одинок вновь, ведя его, вопреки его желаниям, по пустыне, чтобы исполнить его славное назначение. Был одинок Илия во времена Ахава и Иезавели, взывая в печали: «Сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее» (3 Цар. 19, 10). Был одинок Исаия, говоря в горести: «Кто поверит нашей проповеди?» Был одинок Иоанн Креститель в Махеронтской темнице, когда страж отсек ему голову для увенчания царской гордости. Был одинок святой Апостол Павел, когда в Римской темнице начертывал на последней странице, доставшейся нам, такие грустные слова: «Все меня покинули». Нет сомнения, что после эти великие проповедники истины восприняли славу и честь и всё оставленное ими сделалось достоянием святой веры, но в дни испытания они были одни.

Представьте же теперь себе, друзья, не тех великих людей, какими были Моисей, Илья или Павел, но Всесвятого и Всеправедного, могущего прямо назваться ИСТИНОЙ, и вы наперед угадаете, что Он, как человек, пребывая на земле, был одинок между людьми. Он был одинок, когда искал славы Божьей среди забывших Его людей; когда проповедовал Свое Божественное учение обрядолобивому народу; когда осуждал беззаконие и лицемерие среди толпы, подчиненной фарисеям; был одинок, увы! даже среди Своих учеников, потому что ученики не могли сразу понять Его высшего назначения, не могли вникнуть в Его наставления, нередко мечтали лишь о Его земной славе и только вследствие всецело человеческой преданности желали отвлечь Его от скорбного и кровавого пути, ведущего к той жертве, ради которой Он снизошел на землю, Он был одинок и в тот великий час, когда Его плоть содрогалась и сердце обливалось кровью. Он не слышал от учеников ободряющих Его слов, и Его последние взгляды встретили лишь убегающих в общую толпу, где, вплоть до самого креста, раздавались страшные крики насмешек и поруганий. Таково одиночество Иисуса Христа!

То, что случилось с Вождем, должно было случиться и со всеми Его учениками и с каждым истинным Его последователем. Он — Глава, мы — тело; если мы предались Ему действительно, следуем по Его святым заповедям, живем Его жизнью и ищем, подобно Ему, славы Божьей, с нами будет поступлено так же, как и с Ним. Христиане, ждите же этого печального доказательства; ждите, пока не почувствуете себя покинутыми на земле!

Здесь, однако, я должен указать на опасность, обозначив ложную дорогу, где заблуждаются столько душ. Есть, друзья, одиночество, происходящее от нас самих. Можно заключить себя в свой собственный узкий духовный горизонт и усвоить исключительное направление. Можно вооружиться упорством независимости и самолюбия, поставить между другими

и собой разделяющую преграду и потом тосковать в своем уединении. Отчаяние, дошедшее до крайности, впадает в подобное же искушение. Под предлогом таких страданий, которых никто не может понять, люди укрываются завесой самолюбия и живут только своим горем, забывая, что у них есть ближние. Таково ли то уединение, к которому призывает нас Иисус Христос? Без сомнения, в нем нет ни одной самой малой доли одиночества Христова. Последнее происходило от того, что Христос искал славы Божьей, а одиночество, осуждаемое нами, происходит, напротив, оттого, что ищут славы своей, а между тем и другим какая бездна! Будем же опасаться смешивать их. Будем в особенности опасаться одиночества, которое происходит вследствие нашей гордости.

Но это распространенное заблуждение остается тем не менее истинным, когда любящий, кроткий и милосердный христианин, желая подражать своему Учителю, готовится разделить Его одиночество. В тот день, когда решился последовать за Учителем, он восстановил между миром и собой преграду из понятий и привязанностей, делающую его одиноким. И как, ища славы Божьей, не чувствовать себя одиноким в мире, где эта слава не признается? Как, живя для вечности, не чувствовать себя одиноким в этом мире, где все занятия сводятся к видимому, земному и плотскому? Как, любя все святое, не чувствовать себя одиноким среди такого множества сердец, которых увлекает и удовлетворяет только греховное? Как, трудясь для Царства Божьего, не чувствовать себя одиноким среди стольких людей, ищущих лишь славы, карьеры, успеха и богатства? Увы! Истинный христианин, страдающий до конца жизни за Христа, часто напрасно обращается к своим заснувшим собратьям и, не найдя никого, кто бы понял его, принужден, бывает, повторять слова Его: «Не могли вы и одного часа пободрствовать со Мною?» Друзья, это неизбежное уединение влечет за собой также соблазны, к которым я вас прошу быть внимательными. Рассмотрим эти соблазны. Одному верить в истину и одному ее возвещать, без руководства святой церкви, какое для нас страшное испытание! Таков соблазн ума. К нему может прибавиться еще соблазн сухости сердца. Сердце видит сочувствие и ничто ему так не мило, как привязанности, разделяемые другими. Могущество любви и вся жизнь человека усиливается сочувствием. Но одному любить Бога и призывать к любви, которая недостаточно крепка у самого, какой повод к отчаянию! Сердце углубляется тогда в самого себя и изнывает в припадках грусти. Таким образом, не оказывает ли это двойное искушение ума и сердца плачевного влияния на жизнь? Чтобы действовать, надо быть понятым. Мысль, что есть зрители или свидетели, удваивает нашу природную энергию. Самые невозможные работы исполнялись соединенными силами людей. Это чудное могущество симпатии мы чувствуем всюду, где есть души детски-чистые и неиспор-

ченные. Могущество симпатии пробуждало часто гениев или способности, которые бы пропали в одиночестве. Ничто не способно настолько ослабить наши силы, как чувство одиночества, проявляющиеся тогда, когда мы преследуем цель, никем с нами не разделяемую.

Вот, друзья, тот вид одиночества, к которому должен приготовиться христианин, ставший одиноким среди людей века сего, вследствие следования за своим Учителем и желания искать славы и Царства Божьего. Но что будет, если к этому общему испытанию прибавятся еще испытания частные, когда и смерть нередко всё опустошает вокруг нас и делает наше одиночество еще более полным? Что будет, если прибавится еще мучительное несходство характера и жестокие разногласия в привязанности, одерживающие часто победу? Мы все, друзья, более или менее нуждаемся в утешении, и я спешу перейти ко второй части взятого мною текста: «Но Я не один, потому что Отец со Мною». Это утешение Христа Спасителя должно быть утешением и нашим.

«Я не один, потому что Отец со Мною». Вот что составляет силу Христа. Что значат все оставления на земле, когда Его Отец с Ним? Он может быть ненавидим людьми, но Он слышит вечно раздающиеся дивные слова: «Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Марк. 1, 11). Отец с Ним! И Он всегда с Отцом, как едиnorodный Сын Его, нераздельный с Ним по существу Божественному. Но можем ли мы забыть, что и Он на кресте, отвергнутый людьми, почувствовал, что небо закрылось для Него? Можем ли мы забыть, что оставленный всеми, кого Он любил здесь на земле, Он должен был обратить взгляд кверху и произнести слова: «Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты оставил Меня?» Забыть это! Но это значило бы забыть, какой ценой мы были искуплены. Это значило бы проходить с закрытыми глазами эту бесконечную бездну милосердия, перед которой склоняются даже ангелы, стараясь постичь ее глубину. Но Иисус Христос познал это оставление, чтобы мы, друзья, не узнали его никогда. Когда святая вера соединяет нас с Ним и мы усвояем Его искупительную жертву, мы имеем право обратиться к Богу и назвать Его нашим Отцом. Мы можем в свою очередь повторять эти слова: «Я не один, Отец мой со мною». Вот что составляет силу и утешение христианина! Тогда все искушения одиночества исчезнут в одном этом утешении.

Вы одиноки и сомневаетесь, может быть, так как я сказал, есть грозное испытание для вашей слабости в том, что вы одни должны свидетельствовать об истине, непризнаваемой другими. И кто вы такой, чтобы, противопоставляя вашу мысль мыслям толпы, верить в то, что другие отрицают? Но в этом горестном сомнении я не знаю другого утешения, как эта мысль: «Отец Мой со Мною». Да, имейте в себе общение с Богом, просите Его благодатной помощи и вы будете крепки и будете говорить,

не делая уступки. Когда за вас Бог, ничто не должно заставить вас замолчать, ничто не должно остановить вас. И не видите ли вы, что в этом самом состояла сила пророков Божьих всех веков, потому что Бог имеет Своих пророков для каждого времени. Восставая против господствующего беззакония, что сделали бы они, если бы не имели этого прибежища и помощи свыше? Думаете ли вы, что они достаточно нашли бы в себе силы отказаться от целого мира и быть одинокими в своих проповедях? Они говорили, чувствуя, что с ними Бог. Ни Моисей, ни Илия, ни Апостол Павел не почерпнули бы в собственном характере той сверхчеловеческой силы, которая сделала из них великих мужей и столь твердых в вере и благочестии. Они нам сами говорят, что Бог призывает их и посылает, говоря: «Я буду говорить твоими устами». И эти уста не смолкнут более и на все насмешки и проклятия людей ответят: «С нами Бог». И посмотрите: в то время, когда эта мысль предохраняла их от горечи, как они умели терпеливо ожидать, пока Бог приведет в исполнение Свою волю. Мы слышим, как прославляют ныне вновь изобретенное достоинство, то, что называют презрением, в котором, говорят нам, мудрец должен отыскивать свое убеждение, когда истина, защищаемая им, не признается на земле. Те, кто познал Бога, не пожелают этого убежища. Если их оттолкнет мир, то не в этом презрении, а в бесконечной любви Божьей они станут искать своё убежище и, вместо того, чтобы служить истине со всею мелочностью критического ума, они будут стараться возлюбить и просветить тех, которые их отталкивают и не признают. Будем же благословлять Бога за то, что Тот, Кто Сам был Истиной, нашел утешение среди Своих страданий в общении с Отцом и за то, что Он произносил на кресте, даже за проклинавших Его, эту великую молитву: «Отче, прости им». Подобно Ему, будем находить убежище только в общении с Богом и, если нас оттолкнет мир, найдем достаточно силы, чтобы до конца служить истине без слабости и малодушия.

Мы говорили об искушениях ума, но бывают также искушения сердца, появляющиеся в сухости и томительном бессилии, производимыми одиночеством. Но и тогда истинно верующий может находить утешение в любви Божьей. Если ему не достает привязанности людей, то вы думаете, что любви Божьей будет недостаточно, чтобы наполнить его сердце? Не есть ли Бог источник любви, или думаете вы, что в источнике не достает воды? Не думаете ли вы, что Бог оставит пустым, бесплодным и высохшим сердце, покинутое миром? Не писал ли Он, что покинувшему все ради любви к Нему воздастся во сто раз более еще в ожидании вечности? Не думаете ли вы, что наиболее надломленные жизни, в которых замечается благодатное присутствие Божье, беднее любовью, чем те, которых мир окружает искусственным блеском? Разве привязанности мира, такие

расточительные в шумных и часто пустых излияниях, стоят бесконечной любви, которую Бог наполняет сердце, отдающееся Ему всецело? Разве значит быть одиноким, имея в душе Бога и сознавая, что эта душа, обладавшая прежде только преступными страстями и недостойным коварством, стала святилищем Того, Кто Сам есть любовь? Я видел, друзья, эти жизни вознагражденные небом всем тем, что было отнято у них на земле, и чем более их покидал мир, тем более изливалась в них эта любовь в их одиночестве, и они, казалось, говорили всем земным мечтам, всем радостям и надеждам, исчезавшим вдали: «Вы Меня оставите одного, но Я не один, потому что Отец со Мною».

Наконец, против отчаяния, этого высшего соблазна одиночества, ничего нет могущественнее мысли, что Бог с нами. Но этого ужасного чувства отрицания, подрывающего наши усилия, когда мы действуем в одиночестве, христианин не испытывает, потому что всегда имеет Невидимого Создателя своей жизни. Его положение, иногда маленькое, невидное и незаметное здесь, всегда велико перед Богом и близко Ему. Какое сильное мужество возбуждает подобная мысль! Сознание, что в жизни все имеет свое назначение и цену и что, имея или не имея успеха у людей, тем не менее, он служит истинному Богу, не объясняет ли нам несокрушимую настойчивость тех, которые шли этой дорогой?

Бог со Мною! Следовательно, то, что я делаю с Ним, не есть одно из тех человеческих дел, зависящих от тысячи случаев, с которыми связывается их успех. Несмотря на одиночество, мое дело не погибнет со мною, потому что я приношу камень к тому вечному зданию, которое создается веками. Всё, что я делаю, не бесполезно, и ничто не потеряно, потому что оно есть дело Божье. И когда я буду призван, подобно Предтече, окончить мои дни в темнице, в которой последние мысли и слова, казалось, похоронятся навсегда; когда смерть настигнет меня, не дозволив даже проститься с людьми, я скажу: «Я не один, Бог со мной». Или, когда я принужден буду томиться в продолжение долгих лет на одре страдания, не имея ничего живого кроме сердца и не имея силы действовать ничем, кроме молитвы; когда забывшая меня дружба не откроет моей двери и никто не будет свидетелем моей агонии — я могу сказать опять: «Нет, ни мои молитвы, ни мои страдания не потеряны, я не один, Бог со мной».

Вот, друзья, утешение христианина! Я не строю себе гипотез и картин воображения, а говорю о том, что видят повсюду, где христианская вера действительно властвует сердцами.

Если среди читающих эти строки находится кто-нибудь не знающий этого утешения христианина и не желающий его знать, я обращаюсь к нему: вы страшитесь быть истинным христианином, потому что, ставши им, вы чувствуете, что будете одиноки среди мира, с которым связаны столькими

нитьями. Но вы думаете, что отказавшись идти туда, куда призывает вас Бог, вы будете менее одиноки? Что такое жизнь, как не увеличивающееся с каждой минутой разочарование? Сколько горя в прошлом и сколько еще лишений в будущем! Где находятся те, на которых ваше сердце опиралось еще вчера, и где будут завтра те, на которых ваше сердце опирается сегодня? Смерть приходит, скашивая без устали всех, и только те, которые никогда никого не любили, не чувствуют своего одиночества, возрастающего с годами. К тому же, исключив даже смерть, не встречали ли вы иногда среди мирских безумств того ужасающего одиночества, которое происходит от самолюбия и равнодушия, которое еще страшнее того, что производит смерть? Рано или поздно, друзья, вы будете одиноки в жизни. Будете влачить существование, ставшее вам в тягость потому что окружающие не будут более нуждаться в вас. Придет день и, может быть, уже пришел, когда вы будете одиноки в жизни. Но это не всё: вы будете также одиноки умирая. Чем вам послужат в этот великий час наиболее искренние похвалы, одобрения и даже привязанности людей? Пришедши к этому узкому проходу, вы должны его переступить одни. Размыслили ли вы об этом, приготовились ли к этому? И если бы дело шло только о смерти! Но смерть есть дорога, ведущая к Праведному Судии, и ваша совесть и Божественное Писание подтверждают это. Вы будете одни, представ перед престолом Всемогущего, и все иллюзии людей, их лесть, все их ложные советы исчезнут, как легкий дым. Один! без всякого защитника; один со своим прошлым, со своей необузданностью, неблагодарностью, внутренним ничтожеством и скрытыми преступлениями, которые явятся перед ясным светом вечного дня.

Один! Но почему? Бог предлагал нам Свое прощение, Свою любовь, но вы презрели их и не воспользовались ими. Но если вам дорога душа, то во имя вашего вечного будущего, во имя вашего спасения, примите ныне любовь, предлагаемую вам Богом, потому что страшно впасть в руки Бога живого. Понимаете ли вы теперь, что значит иметь Бога в себе и обладать той любовью, от которой ничто, даже сама смерть, нас не может разлучить? Такова участь христианина, а следовательно, и наша, если мы захотим. На пороге таинственной вечности мы можем сказать: я не один, Бог со мной. Мы можем сказать это всеми оставленные в горе, в самом ужасном положении. Мы можем сказать Царю небес и самим себе в часы наших испытаний.

Мое слабое слово не будет напрасным, если, прочитая эти строки, в сердце пустое и одинокое вы примете это дивное обещание:

«И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель» (2 Кор. 6, 18).

Аминь.

Испытание веры скорбями

(Г. Шипков)

Люди от горького разочарования в скорой помощи от Бога обыкновенно сначала впадают в отчаяние, а затем и в безбожие. Таким образом, вера их, подобно искре из горнила, взлетев сначала в блеске вверх, к небесам, гаснет в ночном воздухе и падает пылинкой на холодную землю. Увы за таких «верующих»! Не такая вера в Бога и не такое упование на Его всемогущество и милосердие должны быть у истинных христиан и возрожденных чад Божьих.

Центральный столп в храме благодати Божьей (Апостол Петр) смотрел на испытание веры христиан скорбями как на очистительный огонь, переплавляющий золото для того, чтобы придать ему большую ценность (1 Петр. 1, 3—7). Золото в плавильной печи не уничтожается, но очищается и удрагоценивается. Такому же процессу подвергается и такого же результата достигает и истинная вера в горниле испытаний скорбями.

Другой столп того же храма (Апостол Иаков) предлагает верующим иметь не простую, но «великую радость» при их впадении в «различные искушения» для «испытания веры», к получению себе прироста, т. е. терпения, которое имеет совершенствующее действие над испытываемыми (Иак. 1, 2—4).

И, наконец, третий столп языческого отделения в том же храме (Апостол Павел) рассуждает о том, как полученный дар Божий — вера, при сопровождающих ее скорбях, развивается, не уменьшаясь, но возрастая в новых опытах и поднимаясь по ступеням всё выше и выше до безошибочного чувствования любви Божьей, излитой в сердца верующих Духом Святым, данным им в день их обращения к Господу (Рим. 5, 1—5). На основании такого опыта, этот же Апостол и спрашивает: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» И тут же отвечает на это с полной уверенностью: «Я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы (падшие), ни Начала (начальствующие), ни Силы (власти), ни настоящее, ни будущее, ни высота (житейского положения), ни глубина (мирского унижения), ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8: 35, 38—39).

О нашей репутации

«Он... унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобно человекам...» Фил. 2, 6—7

Многие очень дорожат собственной репутацией и считают необходимым,

ради чувства достоинства самой Церкви, защищать ее. Откровенно говоря, я побаиваюсь таких чувств. Очень уж они не сходятся с чувствами Христа, Который уничтожил Себя Самого, т. е. лишил Себя репутации.

Его злословили и поносили без конца, чего только не наговаривали на Него, но мы не видим, чтобы Он отыскивал тех, которые пускали ложные слухи о Нем и предпринимал бы против них какие-либо меры.

Так поступая, Он не внимал тому, что от этого пострадало Его личное достоинство или достоинство Евангелия, и почему слуге быть выше Господина своего — для меня непонятно!..

Ч. Финней

Ты не забыт

«Вот, Я начертал тебя на дланях Моих» Ис. 49, 16

Слово «вот», должно быть, появилось в тексте потому, что в предыдущем предложении видна жалоба неверия. «Сион говорил: “Оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!”» (Ис. 49, 14). Очевидно, Бог разгневался за такое злое неверие. Чему можно более удивиться, как не беспричинным сомнениям и опасениям любимцев Господа. «Я не забуду тебя. Вот, Я начертал тебя на дланях Моих. Как ты можешь сомневаться, что Я думаю о тебе, когда твое имя начертано на Моем Теле?»

Не знаю, чему мне удивляться более: Божьей верности или неверию Его людей. Он сдержал Свои слова тысячекратно, а мы всё сомневаемся! Он никогда не отказывает в Своей помощи! Он — Источник неиссякаемый, Солнце — незаходящее! Вот, Я начертал тебя! Не только твоё имя: твоё имя там, но это еще не всё. Тебя, твою личность, лицо, твои нужды, обстоятельства, твои грехи, искушения, слабости, твои недостатки, твои дела! Можешь ли ещё сказать, что Бог забыл тебя, когда Он начертал тебя на дланях Своих?

Сперджен

Последнее письмо Яна Гуса

«Его уничтожили, но не победили».

Эразм Роттердамский

«Магистр Ян Гус, слуга Божий, всем верным чехам.

Я радуюсь тому, что у меня есть время написать вам сие послание. Прошу вас, не пугайтесь, когда услышите сообщение о моей смерти. Думайте обо мне не как о мертвом, а как о живом.

Я прошу вас прежде всего любить друг друга и верно стоять за Божью правду.

Не позволяйте врагам запугивать вас угрозами и приказами: они разлетятся, как мотыльки, и разорвутся, как паутина. Не бойтесь ни болей, ни мук, ибо в Писании говорится: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною».

Знайте, меня не сломили угрозы врагов — я не отрекся... Я прощаюсь с вами. Помолитесь за меня, как молюсь я за вас здесь в тюрьме, на исходе земной жизни... Божье милосердие не найдет во мне ничего еретического. Аминь».

А где ее достать?

Библия была и остается для человечества драгоценной Книгой Божьей. И теперь, когда в нашей стране появились «Библия для верующих и неверующих» и «Забавное евангелие», люди, ищущие Истину, высоко ценят Библию настоящую, Библию для верующих! Недавно я еще раз убедился в этом.

Находясь в живописном уголке Северного Кавказа, мы разговорились с земляком о величии Божьем, сила и Божество Которого красочно выражены в окружающей нас природе. В подтверждение своих мыслей, я достал Библию и прочел соответствующее место Писания. Стоящая недалеко девушка-туристка быстро подошла к нам, сняла темные очки и с большим интересом спросила:

— Это Библия? Дайте, пожалуйста, мне посмотреть.

И перед тем, как взять эту Книгу в руки, она радостно добавила:

— Ой, я вытру руки!

Потом, вложив платочек в карман, бережно открыла Библию и сделала вывод:

— Какой вы богатый человек.

Я ответил, что при желании и она может обладать таким богатством, на что она грустно возразила:

— А где ее достать?

Вскоре подошел автобус, и наш разговор прервался: мне надо было уезжать, а ей — подниматься на высокий снежный перевал.

Расставшись, я помолился, чтобы в юности она перешла перевал неверия и была согрета в лучах Евангельской истины.

Лучшей памятью, которую я увез из предгорья Кавказа, осталось благоговейное отношение этой девушки к Библии и ее искренние слова:

«Я вытру руки...»

«Какой вы богатый человек...»

«А где ее достать?..»

Где достать Библию?

На стремнине*

Наконец-то приговор утвердили и я имею возможность писать. Когда я сел в «черный ворон», то понял, что в моей жизни перевернулась новая страница. И как-то грустно было сознавать, что с детством я навсегда расстался... Как быстро вынесло меня на стремнину!

Здесь я впервые увидел жизнь в натуре, без всяких ширм и красок, и она очень неприглядная. Какое все-таки печальное состояние человека без Бога! И я еще раз убеждаюсь в правильности нашего тернистого пути. Итак, теперь я заключенный, но я расшифровываю это слово для себя не как «заключенный», а закаленный. Именно таким хочу я выйти из уз.

Человек такое удивительное существо, что ко всему может привыкнуть. Я уже тоже привык, «втянулся», как говорят. Нормы питания, может быть, и сносные, но «вершки» обычно снимают всякие негодные люди, так что до простого заключенного доходит уже, что останется. Общество здесь, конечно, неважное, но терпеть можно. Много искушений: каждый старается как-то поддеть, посмеяться, но это привычно для христианина. А сколько приходится слышать здесь пошлости, ругательств. Сначала это как-то удручало меня и, вообще, я первые дни чувствовал себя стесненно, напряженно, но со временем все улеглось и теперь я чувствую себя уравновешенно и спокойно. В первые дни в этом шуме очень трудно было сосредоточиться, но усилием внутреннего человека все-таки удалось. Бог меня хранит от зла. Просто удивительно, как Он обо мне заботится. Будьте уверены — ваши молитвы не напрасны. Мне еще на свободе друзья говорили, что если я и попаду сюда, то только для смирения. Да, это так. Именно эту цель я поставил перед собой. Многое Господь хочет удалить, многому научить. И еще мне говорили: «Не такой уж ты святой, чтобы попасть в тюрьму». И это так. Не такой уж я святой! Значит святости нужно достигать! А здесь бывает трудно иногда проявить святость. Я так и понял, что для этого Господь допустил мне узы. А то, чего я не понимаю, пойму после, как сказал Христос Петру. Очень плохо, что у меня нет в руках Библии. Правда, она есть у меня в сердце и в памяти, и я последовательно вспоминаю ее содержание. Плохо, что знаю мало стихотворений, что мало уделял внимания изучению Писания, а здесь основное богатство — память. Конечно, если бы я был предоставлен сам себе, вряд ли долго бы продержался; но я не один. Вот здесь-то и приходится практически испытывать радостное чувство

*] Стремнина — место в реке, потоке с бурным, стремительным течением.

близости Господа, Его повседневную поддержку и заботу. Я далек от уныния. За все слава Богу, ибо любящим Бога все содействует ко благу. Радуют меня и вести со свободы, хотя я их давно не получал. Вспоминаю дорогих друзей: мысленно присутствую на собраниях, в труде, в поездках. Основное занятие у меня — мысль. Хотел бы стать человеком молитвы. Поддержите мое желание.

С любовью ваш во Христе брат-узник.

«Пути Господни НЕИСПОВЕДИМЫ»

Арест мой был так неожидан, что мне не хотелось верить в реальность происходящего. Я была уверена, что Господь сохранит меня на свободе. И вот меня закрывают в камере. Камера очень маленькая, и в первые минуты было такое ощущение, что в ней совершенно нет воздуха и можно задохнуться. Я слышу, как камеру закрывают на замок. В душе смятение и только одна мысль: «Почему, Господи, почему? Почему я арестована?» Я совершенно обескуражена. Недоумение и даже чуть не обида — такие чувства охватывают меня в эти минуты, и еще мучительнее: сомнение в любви Божьей по отношению ко мне. Я чувствую себя брошенной на произвол судьбы. Нет даже страха перед самым арестом, перед тюрьмой.

Я хожу по камере: три шага от одного угла до другого. На стенах нацарапаны грубые ругательства, всевозможные надписи: кто-то написал свое имя и дату ареста, кто-то шлет проклятие судьям, другой прокликает жизнь.

Три шага вперед, три — назад... время от времени я машинально бросаю беглый взгляд на надписи. Вдруг мой взгляд падает на четкую надпись и я останавливаюсь пораженная. Черным карандашом аккуратно выведены слова: «ПУТИ ГОСПОДНИ НЕИСПОВЕДИМЫ». Да ведь это ответ на мои «почему»! Дивные слова!

Так в один из самых тяжелых моментов моей жизни Господь послал Свое утешение. И не раз еще потом, когда уныние посещало меня, я вспоминала эти слова, написанные на стене камеры как будто специально для меня. Да, я верю, что они были написаны именно для меня. Я вижу в этом проявление Божьей любви...

Переживания

Мальчик

Рассказ

Детский мир Сережи был ограничен родным домом, и в этом мире главное место принадлежало матери. Так было отчасти и потому, что Мария Борисовна много сил отдавала ему — первенцу и единственному сыну.

Сережа рос здоровым, крепким ребенком и очень рано стал помогать матери в ее работах по дому. Стоило ей попросить что-нибудь подать или принести, он с радостью бежал выполнять поручение и даже сам старался придумать разные маленькие услуги. Не ускользало от Марии Борисовны и то, с каким вниманием слушал Сережа слова молитвы и Библейские тексты, которые она или муж каждое утро и вечер читали в домашнем кругу. Видно было, что эти чтения оставляют в нем глубокий след.

Однажды — ему шел шестой год — он спросил, глядя на мать большими, задумчивыми глазами:

— А какой Он, Бог? Он с виду похож на нас?

Мать ответила:

— Нет, Сережа. Бог — это Дух. Он повсюду, как свет, как воздух, которым ты дышишь, как звук, который слышат твои уши. Он, ну, вот представь себе, что ты о чем-то думаешь, что ты чувствуешь что-то приятное-приятное. Ведь если ты сделал что-либо плохое, это Бог помогает тебе сознать свою ошибку и пожалеть о ней.

— А Бог всех заставляет сознавать свои ошибки?

— Он хочет этого, милый. Но ведь ты-то ничего плохого не делаешь, я это знаю. Ты добрый, хороший мальчик — Божье дитя.

Она ласково погладила его по голове и поспешила на кухню, прибавив:

— А теперь беги к своим игрушкам.

Но к её большому удивлению Сережа не тронулся с места. Он с минуту постоял молча и вдруг зарыдал, прижимая к глазам кулачки. Изумленная мать бросилась к мальчику, подхватила его на руки и принялась целовать, приговаривая:

— Что с тобой, мой маленький, о чем ты плачешь? Скажи мне, ну скажи же.

Она долго еще утешала его, прижимая к груди и уговаривая не плакать и рассказать ей в чем дело, и, наконец, он выговорил прерывающимся от рыдания голосом:

— Я у-убил птичку. Я нечаянно. Я не хотел ее убивать. Мне Толик дал свою новую рогатку, и я попробовал выстрелить,— тут он снова залился слезами.

Мария Борисовна уже догадалась, что дело идет о какой-то мальчишеской проказе, и ей еще больше захотелось утешить сына, внушить ему, что она поймет его и простит, и Бог тоже. Но она не знала как это сделать и только все качала мальчика на руках, целовала его круглую головку и упрашивала рассказать ей толком, что случилось. Мало-помалу все выяснилось. Героем печальной маленькой трагедии оказался Толик, сын соседа, мальчуган, года на два старше

Сережи. Недавно Толик завел себе рогатку и усердно упражнялся в стрельбе из нее. Вчера, проходя мимо дома, где жил Сережа, он остановился поговорить с ним. Заметив на росшей перед домом сосне, шишку, которая показалась ему достойной мишенью, Толик достал из кармана камешек, прицелился и не попал, выстрелил и снова промахнулся. Сережа, крайне заинтересованный всем этим, попросил: «Дай мне разок попробовать, Толик». «Давай, покажи, какой ты стрелок»,— сказал Толик. В эту минуту на высокую ветку сосны уселась славка, свившая себе гнездо в одном из уголков сада. Сережа увидел ее, машинально, не рассчитывая попасть, прицелился и стрельнул. И тотчас же к величайшему изумлению самого Сережи и Толика, птица свалилась на землю мертвая. Сережа обомлел: ни разу еще ему не случилось не только что убивать, но даже просто причинить боль живой твари. Бледный, как полотно, охваченный желанием убежать, спрятаться, он жалобно забормотал: «Ой, я не хотел! Я нечаянно». На что юный сосед не замедлил ответить: «Еще бы нечаянно! Тебе ни за что на свете не попасть в другой раз. А ну-ка, посмотрим, что за птица такая». Не обращая внимания на окаменевшего от ужаса Сережу, он нагнулся, поднял с земли бездыханное серое тельце, взвесил на руке и сказал: «Пригодится нашей кошке на завтрак». Потом оглянулся и добавил: «У нее тут, наверное, гнездо есть». Он стал шарить в кустах, раздвигая руками ветки, и, наконец, торжественно закричал: «Эй, малыш, иди сюда, я тебе что-то покажу. Ловко у тебя получилось на этот раз». Он схватил перепуганного Сережу, который стоял на земле и ничего не мог разглядеть, приподнял его, и Сережа увидел круглое гнездо из травы и прутьев, а в нем 4-х тощих птенцов, вытягивавших шеи и разевавших большие желтые рты. «Видишь? — спросил Толик. — Это ее выводок. Пожалуй, можно и птенцов отдать кошке. Все равно с голоду пропадут». «Это была их мама?» — жалобно спросил Сережа. «Ну да,— сказал Толик. — А чего ж, по-твоему она тут летала?» Сережа в ужасе скорчился у Толика в руках. Бедные, маленькие птенчики. А Толик еще хочет отдать их кошке вместе с мертвой матерью. И все это наделал он, Сережа! «Не надо, не надо! — закричал он, когда Толик, опустив его на землю, потянулся за гнездом. — Не бери! Я сам буду их кормить! Я маму попрошу! Я не хотел убивать птичку! Я нечаянно, нечаянно!» Он припал к кусту, в котором было гнездо с птенцами и горько заплакал. «Так ты ж не думал, что попадешь,— пробовал утешить его Толик. — Это у тебя случайно вышло. А кормить их ты все равно не сможешь. Откуда ты знаешь, что они едят. Не плачь. В другой раз не стреляй в птиц, только и всего». И достав гнездо с птенцами, он побежал домой, а Сережа, ни живой ни мертвый от ужаса, стоял и смотрел ему вслед.

За ужином он ничего не мог взять в рот, а когда все встали из-за стола, забился молча в угол дивана. Мать, увидев это, решила, что он устал и велела ему идти спать. Но, оставшись один, Сережа против обыкновения долго не мог уснуть и наутро встал такой бледный и вялый, что мать встревожилась — не заболел ли он.

Но он уже решил рассказать матери о случившемся; именно об этом он и думал, задавая ей вопрос — похож ли Бог с виду на человека.

Выслушав рассказа о его преступлении, Мария Борисовна готова была простить сыну его вину, видя, как болезненно он переживает все это, но в душе у нее была тревога, что зло может совершаться так случайно, без всякого умысла. Она ласково постаралась утешить сына, но и указала тут же, как важно всегда думать о том, что делаешь, и в любых обстоятельствах обращаться к Господу за советом и наставлением.

Важный вопрос

(Диалог
двух
юношей.)

«Как юноше содержать в чистоте путь свой?» Пс. 118, 9

Первый:

— Родители хотят, чтоб я хорошим был,
Чтоб Бог меня во всех делах благословил,
Чтоб жизнью я своей порадовал Творца,
Чтоб Троице святой был верен до конца.
Твердят учителя о том же, чтобы я
Учился радовать людей и соловья,
Чтоб расцвела душа моя, как майский куст,
Чтоб слово грубое не осквернило уст.
А разве сам себе добра я не хочу?
Я радуюсь цветку, весеннему лучу,
В моем пути сейчас нелегкая пора,
Я знаю: жизнь моя высокая гора.
Мне надобно взойти на самый верхний пик,
Но к трудностям, к борьбе пока я не привык.
Как и у вас у всех, есть у меня друзья —
Характером, умом такие же, как я.
Хорошего мы все хотели бы, но вот
Соблазны дьявол нам со всех сторон несет.
Соблазнов множество повсюду: тут и там,
Бесчинствуя, царят: Иуда, Каин, Хам,
Лукавый нам твердит: берите с них пример,
И спотыкается нестойкий маловеер.
Нам надо бы смотреть на Господа Творца,
А мы берем урок у злого гордеца.
Внушают нам любовь отец и мать,
Но часто не хотим мы этого понять
И ветер в голове, как зимнею порой,
Мы увлекаемся не делом, а игрой.
Так что же делать мне? Так что же делать нам?
Как помыслы склонить к достойнейшим делам?
Когда кругом вражды и злобы вой,
Как оградить себя от бездны роковой?
Приманки там и тут блещут, как мишуря,
Но доведет ли блеск до славы и добра?
Газеты, радио твердят всем нам о том,
Как доброе везде склоняется пред злом.
Так как же нам себя сберечь и сохранить,
Чтоб после никого в несчастье не винить?
Найдется ли среди вас в собраньи верный брат,
Который возлюбил бы жаждущих стократ
И дал бы нам воды, предостерег от зла
И указал бы нам на добрые дела?
Коль есть такой один, то выйди наперед,
Скорбящая душа тебя с надеждой ждет.

Второй: (голос из заднего ряда)

Я слышал речь твою. Да, к счастью, есть такой. *(Идет вперед).*

Твои слова, мой друг, пропитаны тоской.

Ты мечешься, скорбишь, ты ищешь верный путь,

С погибельных дорог ты хочешь повернуть.

Чтоб не стоять тебе, сядь скромно в третий ряд

И слушай, что тебе поведаст твой брат.

Да, да я — брат тебе, я был таким, как ты,

Блуждая по путям житейской темноты.

Все повторяется, к несчастью, на земле:

Теперь, как и всегда, весь мир кипит во зле.

Я падал много раз, казалось, смерть близка,

Мне сдавливала грудь жестокая тоска.

Я спрашивал не раз: «Зачем на свете жить?

Не лучше ль мне навек свои глаза смежить?

Отрады не дождусь я на земном пути,

Зачем же медлить мне? Не лучше ли уйти?

Уйти в небытие, принять смертельный яд,

Покинуть этот мир, где лишь царит разврат».

Но вовремя Господь послал защиту мне,

И перестал служить я сердцем сатане.

Через друга одного Христос мне подарил

То, что дает душе избыток вечных сил.

Вот в этой Книге я нашел бесценный клад,

Читай ее, мой друг, читай, скорбящий брат.

Ты в ней найдешь рецепт, как строить жизнь свою,

Чтоб в вечности душа могла пребыть в раю.

Лишь вместе с Господом ты устоишь в борьбе,

Иосиф проданный во всем пример тебе.

В молитве верным будь, как добрый Даниил,

Чтоб радостью тебя Всевышний озарил.

С горячей верою всегда к Христу стучи —

Спаслись лишь верою три отрока в печи.

Живя, прославь Творца хваленьем, как Давид,—

Лишь верный Господу успехом плодовит.

Ты светом внутренним, как Моисей, светись,

Тогда небесная тебя утешит высь.

Ты ценности найдешь в любой минуте дня,

И в мире у тебя появится родня.

Взамен страдания ты будешь утешать

Бесчисленных друзей, родных, отца и мать,

В сражении со тьмой ты обретешь трофей

И будешь ты Христу, как Павлу — Тимофей.

В те дни, когда сердца ведет в соблазн Ваал,

Ты ощутишь в Христе нетленный идеал.

Прими подарок, друг, и назидайся им

Когда ты в радости, когда людьми гоним.

(Протягивает Библию.)

Иди сюда ко мне, поверь моим словам:

Я рассказал тебе, что пережил я сам.

Первый: (подходит, берет Библию).

День этот для меня прозрением велик.

Спасибо, милый брат, я истину постиг.

Все ясно для меня, увидел я зарю,

Спасибо я тебе от сердца говорю.

На ниве Божией с тобой отныне мы,

Чтоб светом истины преобразать умы.

Приветствовать сейчас мне хочется тебя,

Мы будем действовать, друг друга возлюбя.

(Приветствуются. Вместе поют гимн.)

СОДЕРЖАНИЕ

1. Поздравление с днем Пасхи.....	1
2. Долиной смертной тени (Г. И. Шипков).....	3
3. На Голгофу (стихотворение).....	6
4. Покаявшийся разбойник (Е. Берсье).....	11
5. Христос воскрес.....	20
6. Воскрес для нашего оправдания.....	23
7. Христос воскрес! Пришла весна (стихотворение).....	25
8. Одиночество христинанина.....	26
9. Испытание веры скорбями.....	34
10. О нашей репутации.....	34
11. Ты не забыт.....	35
12. Последнее письмо Яна Гуса.....	35
13. А где ее достать?.....	36
14. На стремнине.....	37
15. Пути Господни неисповедимы.....	38
16. Переживания мальчика (рассказ).....	39
17. Важный вопрос (стихотворение).....	41

